

Язык ненависти в Интернете

Сэнди Старр

Осмысление языка ненависти

Отступая от прав человека. Рассмотрение проблемы языка ненависти зачастую проходит в контексте традиционного подхода к правам человека, в рамках которого одни права должны соотноситься с другими правами и с соответствующими обязанностями. Например, принятый Советом Европы Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, призванный регулировать использование языка ненависти в Интернете, предусматривает «необходимость обеспечения должного баланса между свободой выражения мнений и эффективной борьбой против действий расистского и ксенофобного характера»¹.

Однако несмотря на широко распространенное представление, согласно которому права человека являются неизменной и неоспоримой в моральном плане формой восприятия свободы, следует помнить, что категория прав человека в современном понимании появилась достаточно недавно – в период Второй мировой войны². Традиция расширительного толкования гражданских прав существенно отличается от традиционного понимания прав человека и заключается в том, что некоторые основополагающие свободы, включая свободу слова, воспринимаются в качестве абсолютных и не предполагающих никаких компромиссов или возможности их соотнесения с другими правами и обязанностями³. С этой точки зрения, если мы не можем говорить то, что думаем, испытывать и выражать любые эмоции (включая ненависть) и ненавидеть лю-

1 Council of Europe, Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, Concerning the Criminalisation of Acts of a Racist and Xenophobic Nature Committed Through Computer Systems, 28 January 2003 <<http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Word/189.doc>> (.doc 71KB), 2.

2 Превосходный критический анализ истории развития прав человека см. в: Kirsten Sellars, *The Rise and Rise of Human Rights* (Stroud: Sutton Publishing, 2002).

3 См. Sandy Starr «The diminishing importance of constitutional rights in the internet age», *From Quill to Cursor: Freedom of the Media in the Digital Era* (Vienna: OSCE, 2003) <http://www.osce.org/documents/rfm/2003/04/41_en.pdf> (.pdf. 399KB), 57-72.

бого по нашему выбору, мы в действительности не являемся полностью свободными⁴. Как сказал один высокопоставленный английский судья, «свобода говорить безобидные вещи не стоит того, чтобы ее иметь»⁵.

Несмотря на то что в настоящее время проблема прав человека занимает центральное место в европейской политике и правосудии, и трудно предположить, что в ближайшем будущем система прав человека может подвергнуться сколько-нибудь серьезной угрозе, следует тем не менее немного отступить от этой всеобъемлющей системы. Только в этом случае мы сможем понять те противоречия и проблемы, которые возникают при включении в законодательные нормы таких категорий, как «язык ненависти» и «преступление на почве ненависти».

Если свобода слова ограничена, она перестает быть свободой. Те, кто настаивает на регулировании языка ненависти, часто говорят, что они поддерживают принцип свободы слова, однако существует некоторое различие между свободой слова в ее традиционном понимании и свободой выражения идей ненависти.

Например, представитель Совета мусульман Великобритании утверждает, что «открытое обсуждение... особенностей ислама и мусульман... является, безусловно, необходимым в открытом обществе, однако побуждать других к ненависти и, соответственно, к притеснению всего сообщества верующих должно быть [объявлено] всегда и повсеместно недопустимым»⁶. А в британском Институте расовых взаимоотношений, добиваясь запрета контента ненависти в популярных средствах массовой информации, склонны считать, что ««свобода прессы», за которую боролись в прошлые века... не является свободой крупных корпораций заниматься промышленным воспроизведением расизма в целях извлечения прибыли»⁷.

Со своей стороны, министр внутренних дел Великобритании Дэвид Бланкетт предлагает ввести в британское законодательство понятие преступления в форме подстрекательства к религиозной нетерпимости. Он настаивает, что «право людей обсуждать вопросы религии и веры должно быть защищено, однако мы не можем позволить использовать религиозные различия для разжигания ненависти»⁸.

Такое разделение принципа свободы слова, предполагающее некоторое отступление от него в отношении наиболее

омерзительных идей, представляется еще более сомнительным, чем подобные предложения. В конце концов, право на свободу слова не содержит в себе некоего предписания насчет содержания этого слова. Любое предписание такого рода противоречило бы самому смыслу слова «свобода».

Свобода слова является важной предпосылкой распространения прогрессивных идей, однако следует понимать, что она также будет использоваться людьми, исповедующими идеи, весьма далекие от прогрессивных. Мы не можем наслаждаться преимуществами свободы слова, не принимая на себя сопутствующее обязательство – использовать эту свободу для открытой борьбы против идей, с которыми мы не согласны, а не подрывать ее, призывая государство или независимых цензоров запретить сами идеи.

Общеизвестно, что право на свободу слова традиционно предполагало некоторые исключения, даже вне рамок системы прав человека. Например, в соответствии с традициями американской правовой системы свобода слова не освобождает от ответственности в случае «очевидной и реальной опасности». Исключение в отношении «очевидной и реальной опасности», в свою очередь, используется в качестве оправдания регулирования языка ненависти. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что это исключение носит весьма специфический и ограниченный характер и ни в коем случае не распространяется на концепцию языка ненависти.

Понятие «очевидная и реальная опасность» впервые сформулировал судья Верховного суда Оливер Уэнделл Холмс-младший, имея в виду те исключительные обстоятельства, при

4 См. Mike Hume, «Don't you just hate the Illiberati?», *spiked*, 12 July 2004 <<http://www.spiked-online.com/printable/0000000CA5E2.htm>>

5 Stephen Sedley, *Redmond-Bate v. Director of Public Prosecutions*, 23 July 1999 <http://www.freebeagles.org/caselaw/CL_bp_Redmond-Bate_full.html>

6 Inayat Bunglawala, «Law on 'incitement to religious hatred' – responding to Will Cummins», Muslim Council of Britain, 16 July 2004 <<http://www.mcb.org.uk/letter76.html>>

7 Arun Kundnani, «Freedom to hate?», Institute of Race Relations, 20 May 2003 <<http://www.irr.org.uk/2003/may/ak000012.html>>, цит. по: *Campaign Against Racism and Fascism*.

8 David Blunkett, «New challenges for race equality and community cohesion in the twenty-first century», United Kingdom Home Office, 7 July 2004 <<http://www.homeoffice.gov.uk/docs3/race-speech.pdf>> (.pdf 104 KB), 12.

которых здравомыслящие люди вынуждены, если можно так выразиться, действовать определенным образом. В классическом примере Холмса-младшего – «человек подает ложный сигнал о пожаре в театре и вызывает панику» – здравомыслящие люди вынуждены действовать под воздействием непосредственного страха за свою безопасность⁹.

Однако в подавляющем большинстве случаев, включая подстрекательство к враждебным действиям, такого непосредственного страха не существует. Наоборот – у человека есть возможность оценить слова, которые он слышит, и решить, действовать или нет в соответствии с ними. Таким образом, ответственность за свои поступки несут конкретные люди, а не некая третья сторона, которая приказала им вести себя определенным образом.

Различия между словами и действиями. Мы подходим, вероятно, к наиболее сложному аспекту категории языка ненависти – к тому, что в ней невольно смешиваются слова и действия. Пытаясь бороться с предубеждениями, политические деятели слишком легко объединяют эти две совершенно разные категории.

Обратимся к заявлению премьер-министра Бельгии Ги Ферхофстадта на Конференции ОБСЕ по проблемам толерантности и борьбы с расизмом, ксенофобией и дискриминацией, прошедшей в Брюсселе в сентябре 2004 года. Он сказал, что «должна существовать гармоничная правовая система, запрещающая любые формы дискриминации и расизма»¹⁰. Буквальное толкование этого заявления предполагает существование некоего органа, контролирующего каждое наше высказывание и действие и вмешивающегося в любом случае, когда наше поведение подпадает под официальное определение «дискриминации и расизма». Захочет ли человек, искренне стремящийся к свободе, жить в таком обществе?

Британский ученый Дэвид Миллер, сторонник принятия закона о преступлениях на почве нетерпимости, сетует: «Защитники свободы слова склонны полагать, что слова можно четко отделить от действий»¹¹. Однако выйдя за пределы научного постмодернизма, мы не будем спорить, что различие между словами и мыслями людей, с одной стороны, и их поступками, с другой, действительно существует.

Безусловно, при отсутствии этого основополагающего различия становится сложно сохранить справедливую правовую систему. Если наши действия не отделяются от наших слов и мыслей, то исчезают основания для ответственности за действия. Если слова и действия смешиваются, то мы всегда можем снять с себя ответственность за свои действия и даже проступки, используя широко известное оправдание «бес попутал».

В действительности не слова сами по себе приводят к тому, что что-то происходит, а наше восприятие этих слов. И если идеи, с которыми мы не согласны, весьма популярны у других, то мы не сможем изменить ситуацию, пытаясь ограничить возможность их выражать. Единственным законным способом уменьшить популярность сомнительных идей является убеждение окружающих в нашей правоте. Этот процесс, каким бы причудливым он ни казался, обычно называют политическими дебатами.

Когда власти, пытаясь запретить идеи, с которыми они не согласны, начинают прибегать к регулированию языка ненависти, это свидетельствует о том, что культура политических дебатов еще далека от совершенства.

Язык ненависти и разумная политика. Страх перед языком ненависти сопровождается общей деградацией политики, что можно было наблюдать в ходе недавних выборов в Европе – президентских во Франции в 2002 году и выборов в Европейский парламент в 2004 году. Реакция ведущих политических партий на потенциальную угрозу со стороны крайне правых в ходе этих выборов позволяла предположить, что основным мотивом участия людей в голосовании будет предотвращение их прихода к власти.

Эта посылка – не голосуя, ты автоматически помогаешь крайне правым – является неким электоральным шантажом.

9 Oliver Wendell Holmes Jr, *Schenck v. United States*, 3 March 1919 <http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/printer_friendly.pl?page=us/249/47.html>

10 Guy Verhofstadt, «Speech by prime minister Guy Verhofstadt at the opening of the OSCE Conference on Tolerance and the Fight against Racism, Xenophobia and Discrimination», 13 September 2004 <http://www.osce.org/documents/cio/2004/09/3508_en.pdf> (.pdf 24.2 KB), 2-3.

11 Ursula Owen and David Miller, «Not always good to talk», *Guardian*, 27 March 2004 <<http://www.guardian.co.uk/print/0,3858,4889396-103677,00.html>>

Это, вероятно, даже более деструктивная идея, чем тот фанатичный бред, который слышится в речах крайне правых, поскольку, если основная цель участия в выборах, которую ведущие политические силы могут предложить избирателям, заключается в том, чтобы лишить голоса других, то это означает молчаливое признание отсутствия у ведущих политических сил сколько-нибудь стоящих идей, за которые можно было бы голосовать¹².

В тех случаях, когда политические деятели акцентируют свое внимание и свою политику на проблеме языка ненависти и преступлениях на почве нетерпимости, их озабоченность может приобрести форму пророчества, которое сбывается само по себе. Постоянное привлечение внимания к проблемам ненависти и предубеждений, существующих в отношениях между людьми разных национальностей, цвета кожи или вероисповеданий, неизбежно заставляет политиков рассматривать подобные преступления именно в этих категориях. Ярким примером здесь служат беспорядки и столкновения, произошедшие в 2001 году в Великобритании, в северных фабричных городах Олдем, Брандфорд и Бернли.

Согласно традиционной точке зрения насилие было спровоцировано крайне правыми, однако факты свидетельствуют, что расовые трения в этих городах скорее огульно отнесены к разряду преступлений на почве нетерпимости, что явилось результатом слишком широкого толкования понятия языка ненависти. Полиция в этих регионах так старалась продемонстрировать свое стремление противостоять ненависти, что преступления, совершенные белыми в отношении азиатов, рассматривались в качестве мотивированных расизмом даже в тех случаях, когда о такой мотивации не сообщалось. Проблема расизма в вышеназванных городах не стояла острее, чем в других городах Великобритании – просто власти придали ей больше значения, что и повлекло за собой взрывные последствия¹³.

Разница между предубеждением и чувством. При оценке целесообразности использования термина «язык ненависти» в качестве регулирующей категории следует, помимо разделения слова и действия, также проводить различие между формами предубеждения, например расизмом, с одной стороны, и таки-

ми естественными чувствами, как ненависть, – с другой. Расизм является глубоко укоренившимся предубеждением, с которым следует бороться, тогда как ненависть сама по себе не вызывает возражений. Ненависть – всего лишь чувство, и в этом качестве она может быть совершенно законной и обоснованной.

Когда Совет Европы намеревается бороться с «ненавистью», используя Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, он использует термин, означающий «сильную неприязнь или враждебность»¹⁴. Но разве здравомыслящие люди не могут испытывать «сильной неприязни или враждебности» в отношении, например, расистов?

Ненависть – это некое чувство, которое время от времени испытывает большинство из нас, и она столь же необходима и правомерна, как любовь. Даже Дэвид Бланкетт, основной сторонник инициатив, направленных против языка ненависти и преступлений на почве нетерпимости в Великобритании, признается, что когда он узнал о совершенном в тюрьме самоубий-

12 См. Josie Appleton, «Defending democracy – against the voters», *spiked*, 23 April 2002 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000006D8AF.htm>>; Dominic Standish, «Where are Le Pen friends now?», *spiked*, 29 April 2002 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000006D8BC.htm>>; Mick Hume, «Who are afraid of the far right?», *spiked*, 3 May 2002 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000006D8D1.htm>>; Brendan O'Neill, «The myth of the far right», *spiked*, 12 June 2002 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000006D931.htm>>; Josie Appleton, «Cranking up the cranks», *spiked*, 3 June 2004 <<http://www.spiked-online.com/printable/0000000CA564.htm>>; Jennie Bristow, «Compulsory voting: turnout is not the problem», *spiked*, 16 June 2004 <<http://www.spiked-online.com/printable/0000000CA591.htm>>; Sandy Starr, «Blowing up the BNP», *spiked*, 16 July 2004 <<http://www.spiked-online.com/printable/0000000CA5FC.htm>>

13 См. Brendan O'Neill, «Some Oldham story?», *spiked*, 29 May 2001 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000002D0F7.htm>>; Brendan O'Neill, «Why banning the BNP is bad for democracy», *spiked*, 12 June 2001 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000002D121.htm>>; Brendan O'Neill, «Oldham: unasked questions», *spiked*, 9 July 2001 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000002D179.htm>>; Josie Appleton, «After Bradford: engineering divisions», *spiked*, 16 July 2001 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000002D19A.htm>>; Kenan Malik, «The trouble with multiculturalism», *spiked*, 18 December 2001 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000002D35E.htm>>; Brendan O'Neill, «Who divided Oldham?», *spiked*, 1 May 2002 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000006D8C1.htm>>; Bruno Waterfield, «Imposing 'parallel lives'», *spiked*, 22 January 2003 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000006DBFE.htm>>; Munira Mirza, «How 'diversity' breeds division», *spiked*, 19 August 2004 <<http://www.spiked-online.com/printable/0000000CA690.htm>>

14 Explanatory report, Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, Concerning the Criminalisation of Acts of a Racist and Xenophobic Nature Committed Through Computer Systems, Council of Europe, 28 January 2003 <<http://conventions/coe.int/Treaty/en/Reports/Html/189.htm>>

стве печально известного серийного убийцы Гарольда Шипмана, его первой реакцией было: «Неужели слишком рано открывать бутылку?»¹⁵. Была бы вполне естественная реакция Бланкетта разрешена в рамках законодательства, предполагающего запрет на язык ненависти?

Регулирование языка ненависти зачастую постулируется в качестве средства, способного предотвратить сползание общества к тоталитарной идеологии, такой как фашизм. Однако достаточно забавно, что идея, согласно которой мы можем регулировать слово и наказывать за преступления, совершенные под влиянием чувств, является самой тоталитарной идеей, какую только можно себе представить.

В большинстве стран уже действуют законы, запрещающие запугивание, оскорбление и нанесение ущерба частной собственности. Формулируя специальные категории, такие как «язык ненависти» и «преступление на почве нетерпимости», в дополнение к этим преступлениям и предполагая оценивать не сами поступки людей, а их мотивацию, мы рискуем прийти до законодательного оформления того, что писатель Джордж Оруэлл назвал «преступной мыслью».

От преступления на почве нетерпимости до преступной мысли. В классическом романе Оруэлла «1984» преступная мысль является преступлением, состоящим в наличии преступных мыслей, «серьезнейшим преступлением, включающим в себя все другие»¹⁶. В антиутопии Оруэлла ненависть разрешена, более того, обязательна, до тех пор пока она направлена против врагов государства. Однако любая еретическая мысль влечет за собой суровое наказание. Оруэлл показывает, как, контролируя язык и заставляя людей тщательно обдумывать каждый аспект своего поведения, можно поддерживать ортодоксальность и жестоко подавлять ересь.

В романе «1984» не требуется никаких очевидных доказательств, чтобы признать любого виновным в преступной мысли. Так же как в отношении языка ненависти и преступлений на почве нетерпимости в настоящее время, власти в романе обладают неограниченной свободой интерпретировать слова и действия людей как диктуемые подозрительными мотивами. Озабоченность языком и манерой поведения, проявляемая теми, кто предлагает регулировать язык ненависти, равно как

и то значение, которое они придают словам, напоминает политику, использовавшуюся в романе «1984» для ограничения возможности людей иметь запрещенные мысли. Как говорит один из героев романа, «в конце концов мы сделаем преступную мысль практически невозможной, поскольку у нас не будет слов для выражения этой мысли»¹⁷.

В конечном счете, человеческая способность сомневаться в очевидном и противиться любым ограничениям свободы мысли является, к счастью, неистребимой. Однако поскольку эта способность может быть подавлена, власти в первую очередь должны стремиться сформировать у населения некую форму преднамеренного невежества, которую Оруэлл называет «прекращением преступления» и которая в романе «1984» является основным средством отказа от преступной мысли. По словам Оруэлла, «прекращение преступления означает возможность быстрой, как будто инстинктивной, остановки перед появлением любой опасной мысли. Она предполагает наличие способности не видеть аналогии, не воспринимать логические ошибки, неправильно понимать самые простые аргументы... и со скукой или отвращением отвергать любую мысль, способную вести в еретическом направлении. Короче говоря, прекращение преступления означает защитную тупость»¹⁸.

Объявляя речи, с которыми мы не согласны, «языком ненависти» и стремясь запретить их, вместо того чтобы постараться опровергнуть, мы движемся к миру, в котором нам придется прибегать к «защитной тупости» для предотвращения распространения спорных идей. Это не только противоречит принципам свободы, но и придает сомнительным идеям некую правдоподобность, которой они зачастую не обладают, позволяющую им представлять себя в качестве естественной реакции на авторитарное регулирование.

Лучше открыто спорить с противниками, чем делать их мучениками цензуры.

15 См. «Blunkett admits Shipman error», BBC News, 16 January 2004 <http://newsvote.bbc.co.uk/mpapps/pagetools/print/news.bbc.co.uk/1/hi/uk_politics/3404041.stm>

16 George Orwell, *1984* (Harmondsworth: Penguin, 2000), 21.

17 Ibid., 55.

18 George Orwell, *1984* (Harmondsworth: Penguin, 2000), 220-21.

Регулирование языка ненависти в Интернете. Интернет по-прежнему считается царством нерегулируемой и не поддающейся регулированию анархии. Однако это впечатление становится все менее справедливым по мере того, как правительства пытаются осуществлять мониторинг и контроль наших действий в режиме он-лайн.

Инициативы в области борьбы с языком ненависти в режиме он-лайн создают угрозу наиболее прогрессивной особенности Интернета – возможности свободного самовыражения любого человека, располагающего компьютером и выходом в сеть. Действующий в Великобритании регулирующий орган Internet Watch Foundation (IWF) уведомляет, что если вы «увидите расистский контент в Интернете», «IWF и полиция в сотрудничестве с провайдером постараются как можно скорее удалить этот контент»¹⁹.

Данное положение однозначно говорит в пользу цензуры – IWF добавляет, что «если вы сомневаетесь в том, является ли контент законным, лучше перестраховаться и сообщить о нем»²⁰. Не только власти во все большей степени проверяют контент Интернета и осуществляют цензуру того, что они не одобряют – в этот процесс оказались втянутыми наиболее обидчивые, получив право вето в отношении того, что остальные могут читать в Интернете.

Рассмотрим Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, согласно которому запрещаются «расистские и ксенофобные материалы» в Интернете. Дополнительный протокол определяет их как «любой письменный материал, любое изображение либо любое другое изложение идей или теорий, которые пропагандируют, распространяют или провоцируют ненависть, дискриминацию или насилие в отношении любого частного лица или группы лиц по расовому признаку, а также на основании цвета кожи, национального или этнического происхождения, равно как и религии, если они используются в качестве предлога для любой из этих целей»²¹. Не требуется богатого воображения, чтобы представить, как Библия или Коран могут вступить в противоречие с подобным широким регулированием, не говоря уже о бесчисленном количестве других текстов, художественных и документальных произведений.

Следуя широко разрекламированной цели регулирования языка ненависти для предотвращения угрозы фашизма, Дополнительный протокол также стремится объявить вне закона «отрицание, явное уменьшение масштабов, одобрение или оправдание геноцида или преступлений против человечности»²². По данным Совета Европы, «авторы законопроекта посчитали необходимым не ограничивать действие настоящего положения только преступлениями, совершенными нацистским режимом во время Второй мировой войны и определенными в таком качестве Нюрнбергским судом, но распространить его действие и на геноцид и преступления против человечества, определенные в качестве таковых другими международными судами после 1945 года с использованием соответствующих международных юридических механизмов»²³.

Перед нами пример того, как сторонники регулирования языка ненависти, якобы защищая от призрака тоталитаризма, сами ведут себя возмутительно авторитарным образом. Очевидно, что с ревизионизмом Холокоста можно и нужно бороться действенными аргументами, а не подвергать его цензуре. Что же касается масштаба и причин более поздних зверств, например тех, что имели место в Руанде и бывшей Югославии, они по-прежнему остаются предметом судебного разбирательства с целью выяснить, применим ли к ним термин «геноцид». Европейские власти заявляют, что выступают против исторического ревизионизма, но при этом стремятся получить новые полномочия, которые позволят им навязывать нам *свою* однозначную оценку недавней истории, которую мы – под страхом наказания – должны принять за правду.

19 «Racial issues» на веб-сайте Internet Watch Foundation <<http://www.iwf.org.uk/howto/page.20.27.htm>>

20 «The hotline and the law» на веб-сайте Internet Watch Foundation <<http://www.iwf.org.uk/public/page.31.htm>>

21 Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, Concerning the Criminalisation of Acts of a Racist and Xenophobic Nature Committed Through Computer Systems, Council of Europe, 28 January 2003 <<http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Word/189.doc>> (.doc71KB), 3.

22 Ibid., 4.

23 Explanatory report, Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, Concerning the Criminalisation of Acts of a Racist and Xenophobic Nature Committed Through Computer Systems, Council of Europe, 28 January 2003 <<http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/189.htm>>

Примечательно, что ограничения в отношении свободы слова, содержащиеся в Дополнительном протоколе, могли бы быть еще более строгими. Оказывается, «в ходе подготовки Конвенции комитет обсуждал возможность включить в него и другие преступления, имеющие отношение к контенту», однако «не смог добиться консенсуса по этому вопросу»²⁴. Тем не менее Дополнительный протокол по своей сути является существенным ограничением свободы слова и препятствием для борьбы с идеями нетерпимости в свободной и открытой дискуссии. Как отметил один из наиболее резких критиков Дополнительного протокола, «научно доказано, что объявление речей преступными приводит к уничтожению лежащих в их основе чувств. Вообще-то я прочитал это на спичечном коробке»²⁵.

Интернет в перспективе. Интернет привык к медлительному и эмоциональному осмыслению социальных проблем. Благодаря огромному разнообразию размещенных там материалов люди, имеющие конкретные интересы, могут просто загрузиться и найти ту правду об обществе, которую они ищут. В режиме он-лайн восприятие человеком общества носит искаженный характер. Когда практически отсутствуют препятствия для создания веб-сайта или размещения объявлений, все точки зрения кажутся равноценными.

Интернет дает искаженное представление об обществе – в нем экстремистские идеи, поддерживаемые меньшинством, неотличимы от доминирующей идеологии. Для того чтобы извлечь полезную информацию об обществе из того, что можно найти в Интернете, необходима методологическая точность, которая зачастую отсутствует при обсуждении проблемы языка ненависти в режиме он-лайн.

Например, ученый Тара Макферсон пишет о проблеме веб-сайтов, созданных в глубинке южных штатов США, называя их «многочисленными аванпостами южан в киберпространстве»²⁶. После знакомства с приводимыми ею примерами неоконфедеративных чудачеств читателя можно простить, если он поверит, что «Юг возродится вновь», как написано на флажках и наклейках. Но если судить по этому признаку, мир также подвергается страшной угрозе со стороны педофилов, сатанистов и всех других ненормальных, которым Интернет предоставляет свободную трибуну.

«Как мы можем представить другие версии истории Юга – не отбеленные до слепящей белизны?» – вопрошает Макферсон, как будто южане в цифровом формате являются основной социальной проблемой²⁷. В своем нынешнем виде Интернет неизбежно позволяет излагать маргинальные точки зрения, поскольку сделать это достаточно просто. Но мы должны помнить, что сам факт присутствия идеи в Интернете не придает ей никакой социальной значимости.

Безусловно, Интернет упростил возможность общения и сотрудничества людей, исповедующих схожие маргинальные взгляды. Марк Поток, редактор издания «Intelligence Report», выпускаемого Центром изучения юридических аспектов бедности на Юге, который занимается «мониторингом групп, исповедующих идеологию нетерпимости, и деятельности экстремистов»²⁸, имеет все основания утверждать, что «в 1970-е – 1980-е годы сторонник превосходства белых, как правило, был изолирован и потрясал кулаками в собственной гостиной. Глобальная сеть изменила эту ситуацию»²⁹. Министр иностранных дел Франции Мишель Барнье охарактеризовал проблему в еще более резкой форме. По его словам, «Интернет обладает притягательной силой для организаций, исповедующих идеи нетерпимости. Он предоставил к их услугам огромные возможности преумножения, распространения и соединения»³⁰.

24 Ibid.

25 Thomas C. Greene, «Euro thought police criminalise impure speech online», *Register*, 11 November 2002 <http://www.theregister.co.uk/2002/11/11/euro_thought_police_criminalize_impure/print.html>

26 Tara McPherson, «I'll take my stand in DixieNet», in Beth E. Kolko, Lisa Nakamura, Gilbert B. Rodman (eds.), *Race in Cyberspace* (New York: Routledge, 2000), 117. Анализ этой книги см. в: Sandy Starr, «Race in Cyberspace», *Global Review of Ethnopolitics*, vol. 1, no. 4 <http://www.ethnopolitics.org/archive/volume_1/issue_4/issue_4.pdf> (.pdf. 903 KB), 132-34.

27 Tara McPherson, «I'll take my stand in DixieNet», in Beth E. Kolko, Lisa Nakamura, Gilbert B. Rodman (eds.), *Race in Cyberspace* (New York: Routledge, 2000), 128.

28 *Intelligence Project*, раздел веб-сайта Southern Poverty Law Centre <<http://www.splcenter.org/intel/intproj.jsp>>

29 Цит. по: Nick Ryan, «Fear and loathing», *Guardian*, 12 August 2004 <<http://www.guardian.co.uk/print/0,3858,4991037-110837,00.html>>

30 Michel Barnier, French Ministry of Foreign Affairs, «Opening of the meeting», OSCE Meeting on the Relationship Between Racism, Xenophobic and Anti-Semitic Propaganda on the Internet and Hate Crimes, 16 June 2004 <http://www.osce.org/documents/cio/2004/06/3105_en.pdf> (.pdf 19.2 KB), 2.

Однако воспринимать эти «возможности преумножения, распространения и соединения» в качестве важнейшей проблемы – значит игнорировать тот факт, что Интернет также предоставляет возможность общения и сотрудничества всем остальным людям, причем в благих целях. Принцип свободы слова дает преимущества всем нам, начиная от тех, кто исповедует доминирующую идеологию, и заканчивая сторонниками маргинальных идей, и призывает доказать истинность того, что мы считаем правильным. Новые технологии, облегчающие общение, в одинаковой степени приносят благо всем, и мы должны сконцентрировать свои усилия, чтобы использовать их в качестве трибуны для пропаганды наших убеждений, не лишая этой трибуны сторонников иных взглядов.

Мы всегда должны сохранять ясность ума, когда сталкиваемся с мнимыми подтверждениями того, что язык ненависти в Интернете является серьезной проблемой. Широко цитируемое исследование, проведенное компанией SurfControl, занимающейся фильтрацией информации в Интернете и в электронной почте, содержит вывод о том, что за период с января по май 2004 года «количество веб-сайтов, пропагандирующих ненависть к американцам, мусульманам, евреям, гомосексуалистам и афроамериканцам, а также распространяющих изображение сцен насилия», увеличилось на 26 процентов, что «почти превысило темпы роста за весь 2003 год». Однако совершенно непонятно, как столь точную количественную оценку можно получить из субъективного описания контента веб-сайтов, используя такую субъективную эмоциональную категорию, как ненависть.

Сотрудники компании SurfControl, сами того не ведая, доказывают, что любое случайное свидетельство можно использовать для раздувания паники в отношении контента Интернета. Они утверждают: «Существующие сайты, мониторинг которых осуществлялся компанией SurfControl, расширили свою деятельность шокирующим темпами или необычными способами. Некоторые сайты содержат изображения мертвых и искалеченных людей»³¹. Если бы компания SurfControl связалась со мной несколько лет назад, я с легкостью нашел бы в Интернете немало фотографий мертвых и искалеченных людей, дабы шокировать представителей вышеназванной компании. Может быть, в этом случае они попытались бы поднять

панику еще несколько лет назад? А может быть, они выступают с подобными шокирующими заявлениями каждый год, чтобы продать побольше своего программного обеспечения для фильтрации информации – кто знает?

Очевидно, что информацию о масштабе распространения языка ненависти в Интернете можно подать в совершенно другом виде. Например, Карин Спайнк, председатель Bits of Freedom, организации по защите неприкосновенности частной жизни и цифровых авторских прав, делает вывод о том, что «лишь немногим более 0,015 процента всех веб-страниц содержат элементы языка ненависти или нечто подобное» – согласитесь, гораздо менее пугающая оценка³².

Также неправильно считать, что контент Интернета, который признается содержащим язык ненависти, остается без ответной реакции. Когда обнаружилось, что антисемитский веб-сайт Jew Watch занимает верхние строчки рейтинга при поиске на слово «еврей» в поисковой системе Google, была начата кампания под названием «Remove Jew Watch» с требованием, чтобы Google удалила из своего каталога оскорбительный веб-сайт³³.

К счастью для принципа свободы слова, Google не капитулировала перед этим специфическим требованием, хотя при других обстоятельствах она заслужила порицание за удаление результатов поиска по распоряжению правительств и других заинтересованных организаций³⁴.

31 SurfControl, «SurfControl reports unprecedented growth in hate and violence sites during first four months of 2004», 5 May 2004 <<http://www.surfcontrol.com/news/newsistem.aspx?id=650>>

32 Karin Spaink, «Is prohibiting hate speech feasible – or desirable?: technical and political considerations», Bits of Freedom, 30 June 2004 <http://www.osce.org/documents/rfm/2004/06/3263_en.pdf> (.pdf 50.1 KB), 14.

33 См. веб-сайты Google <<http://www.google.com>> и Jew Watch <<http://www.jewwatch.com>>

34 См. «Replacement of Google with alternative search systems in China: documentation and screenshots», Berkman Center for Internet and Society, September 2002 <<http://cyber.law.harvard.edu/filtering/china/google-replacements>>; Benjamin Edelman and Jonathan Zittrain, «Localised Google search result exclusions», Berkman Center for Internet and Society, October 2002 <<http://cyber.law.harvard.edu/filtering/google>>; Benjamin Edelman, «Empirical Analysis of Google Safesearch», Berkman Center for Internet and Society, April 2003 <<http://cyber.law.harvard.edu/people/edelman/google-safesearch>>

Вынужденные действовать по своему усмотрению активисты кампании Remove Jew Watch успешно бомбардировали поисковую систему Google неверными командами, создавая и поддерживая связи в Интернете, для того чтобы обмануть поисковый алгоритм Google и направить его на похожие поисковые термины в целях достижения конкретного результата – выбить Jew Watch из верхней части рейтинга³⁵. Это была честная игра, и Google предпочла вступить в нее, а не продолжать компрометировать свои рейтинговые критерии³⁶. Однако было бы лучше, если бы произошла серьезная борьба идей между Jew Watch и Remove Jew Watch или – в качестве альтернативы – принято решение о том, что Jew Watch недостоин даже презрения и должен попросту игнорироваться. Не всякий чудак и экстремист заслуживает внимания, даже если ему иногда удастся обмануть рейтинговые критерии поисковой системы.

Заключение. Если мы попросим власти защитить нас от языка ненависти сегодня, то существует опасность оказаться беззащитными перед этими же властями завтра, когда они начнут диктовать нам, что читать, смотреть, слушать и загружать в наши компьютеры.

В соответствии с Дополнительным протоколом к Конвенции о киберпреступности «национальные и международные законы должны предусматривать адекватные юридические действия в ответ на пропаганду расизма и ксенофобии, ведущуюся с использованием компьютерных систем»³⁷. Однако юридические действия являются совершенно *неадекватными* для этих целей. Если хотите, юридические действия в ответ на высказывания с элементами ненависти лишь оказывают им поддержку, защищая от намного более эффективного и демократичного механизма – анализа со стороны общественности и политического обсуждения.

Назвать идеи, которые мы считаем спорными, «языком ненависти» – не лучший способ их категоризации. Эта категория лишь отражает отношение политиков, регулирующих органов и участников кампаний, которые ее используют. Неспособные выдержать открытую общественную дискуссию по спорным вопросам, на самом деле именно они являются людьми, действительно *ненавидящими слово*.

-
- 35 См. John Brandon, «Dropping the bomb on Google», *Wired News*, 11 May 2004 <<http://www.wired.com/news/print/0,1294,63380,00.html>>
- 36 Более подробный анализ технических и политических аспектов поиска с использованием Google см. в: Sandy Starr, «Google bogged by blogs», *spiked*, 15 July 2003 <<http://www.spiked-online.com/printable/00000006DE60.htm>>; «Giddy over Google».
- 37 Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, Concerning the Criminalisation of Acts of a Racist and Xenophobic Nature Committed Through Computer Systems, Council of Europe, 28 January 2003 <<http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Word/189.doc>> (.doc71KB), 2.

Курт Айнцингер

Регулирование СМИ в Интернете

В течение веков единственным средством связи с большим количеством людей было устное слово и печатная страница, которая также имела ограниченный тираж. Лишь в течение последних 50 или 60 лет электросвязь, радио и телевидение появились в качестве средств массовой информации и стали широкодоступными. Основные дебаты по политическим, социальным вопросам и по проблемам общественного развития проходят в настоящее время с использованием средств массовой информации.

Вплоть до недавнего времени только крупные государственные или частные корпорации имели возможность производить материалы для средств массовой информации и с их помощью, поскольку стоимость и технологическая сложность процесса вносили свои ограничения. Однако в эпоху Интернета сетевые и мультимедийные технологии стали доступными на любом компьютере, и обычные люди теперь могут использовать средства массовой информации как в качестве потребителей, так и производителей.

Интернет – средство массовой информации, имеющее ряд дополнительных характеристик. Каждый пользователь может разместить в Интернете материалы, которые прочитают или увидят сотни миллионов людей. В связи с постоянно растущим числом пользователей – в Европе поставлена цель добиться всеобщего охвата – число людей, которые потенциально способны ознакомиться с размещаемой в Интернете информацией, постоянно увеличивается.

Парадоксально, но несмотря на то что любой веб-сайт доступен сотням миллионов людей, в действительности к более чем 95 процентам веб-сайтов многие никогда не обратятся. Это связано с поражающим воображение количеством и разнообразием сайтов в Интернете, языковыми барьерами и традиционным предпочтением, оказываемым «местным» услугам и контенту. Чтобы использовать Интернет в качестве средства

массовой информации, требуются значительные финансовые ресурсы. Реклама, мощное оборудование, распределенные серверы и широкая связь, наряду с привлекательным и современным контентом, – вот тот минимум, в дополнение к которому требуются значительные средства. Это означает, что, опять-таки, лишь мощные в финансовом отношении институты и корпорации в состоянии использовать новые информационные средства в качестве средств массовой информации. В таком контексте крупные компании с долгой историей, действующие в сфере СМИ, также имеют существенные преимущества перед другими предприятиями в части использования Интернета; в самом деле, с выходом в Интернет потенциальный охват аудитории может быть намного больше, чем при использовании других средств массовой информации.

Регулирование СМИ – это регулирование контента. Говоря о регулировании средств массовой информации, мы имеем в виду прежде всего регулирование контента. Размещаемый в Сети контент должен соответствовать общественным ценностям, отраженным в национальной юридической системе. Если контент нарушает положения уголовного законодательства или признается несовместимым с гражданским правом, он должен быть изменен или удален. Однако тут необходимо четкое понимание: контент, не являющийся незаконным, может быть размещен в Интернете. Интернет открывает широкие возможности для гражданского общества, и в интересах сохранения гражданских свобод широкий доступ и использование этого средства массовой информации не должны быть чрезмерно лимитированы.

Интернет является глобальной информационной средой, однако применимые юридические системы обычно ограничены национальными рамками. Во многих случаях законы отдельных стран различаются весьма существенно, что может создать определенные трудности. Например, кое-где в Центральной Европе существуют строгие юридические ограничения на деятельность правых экстремистов (неонацистов), однако в большинстве других стран такие законодательные нормы отсутствуют. В связи с этим в Сети имеется некоторое количество неонацистских сайтов, которые не могут быть удалены, поскольку их серверы находятся в странах, где отсутствуют юридические основания для подобного удаления.

Такие ситуации обычно дают основания для призывов к «фильтрации» или «блокировке». Фильтрация – это выборочное удаление определенного контента из информационного потока, в то время как «блокировка» делает невозможным доступ к определенным веб-страницам (указатели URL). Оба метода требуют существенных затрат, имеют весьма ограниченную эффективность и могут привести к значительному «косвенному ущербу» для других сторон (ложноположительные результаты). Эти методы просто не являются экономически обоснованными или разумными.

Организация и технология функционирования Интернета не позволяют успешно использовать вышеупомянутые технологии. В Интернете попросту отсутствуют центральные узлы, где можно эффективно контролировать информационный поток. В точке происхождения контент разделяется на множество небольших пакетов данных, которые сами перемещаются по сети и собираются вновь в точке назначения. Существует много путей для перемещения из точки А в точку В. Помните: Интернет состоит из несметного числа IP-сетей, и поставщики услуг могут видеть и контролировать лишь проходящую через них небольшую часть этого потока. За исключением тоталитарных государств, где Интернет рассматривается не в качестве преимущества, а в качестве угрозы, практика «фильтрации» и «блокировки» не нашла широкого применения – и слава Богу!

Ответственность поставщиков услуг Интернета (ПУИ). Принятая в 2002 году Директива Европейского союза по электронной торговле¹ определяет различные функции и уровни ответственности поставщиков услуг Интернета. Раздел 4 рассматривает ответственность поставщиков услуг – посредников и проводит различие между «простыми средствами передачи», «перекачиванием» и «размещением информации на веб-узлах».

Статья 12, относящаяся к «простым средствам передачи», гласит: «Там, где предоставляются услуги информационной сферы, состоящие из передачи информации, предоставленной получателем услуги через коммуникационную сеть, или из предоставления доступа к коммуникационной сети, Государства-Члены должны гарантировать, что поставщик услуги не несет ответственности за переданную информацию, при условии что

поставщик: а) не инициирует передачу; б) не выбирает получателя передачи; а также с) не выбирает и не исправляет информацию, содержащуюся в передаче».

«Действия передачи и предоставления доступа, упомянутые в [...], включают в себя автоматическое, промежуточное и кратковременное хранение передаваемой информации в рамках того периода, который необходим для осуществления передачи в коммуникационной сети, при условии что информация не будет храниться в течение более длительного периода, нежели необходимо для передачи».

В статье 13 «перекачивание» определяется как «автоматическое, промежуточное и кратковременное хранение» информации. Ответственность поставщиков услуг Интернета определяется почти в таком же объеме, как и в случае «простых средств передачи»; кроме того, добавлено, что «поставщик предпринимает оперативные меры, нацеленные на удаление или прекращение доступа к информации, которая была на хранении, после получения достоверных данных о том, что информация была удалена из сети в точке начала передачи, или доступ к ней был прекращен, или суд либо административный орган потребовал такого удаления или прекращения доступа».

В статье 14 рассматривается «размещение информации на веб-узлах», которое заключается в хранении информации, предоставленной получателем услуги. Статья гласит: «Государства-Члены должны гарантировать, что поставщик услуги не несет ответственности за информацию, сохраняемую по просьбе получателя услуги, при условии что: а) поставщик не имеет достоверных данных о незаконной деятельности или незаконном характере информации и, что касается претензий в отношении ущерба, не знает о фактах или обстоятельствах, из которых незаконный характер деятельности или информации становится очевидным; или б) поставщик, по получении таких данных или сведений, предпринимает оперативные меры по удалению информации или прекращению доступа к ней».

Наконец, статья 15 утверждает, что не должно существовать «общих обязательств в отношении мониторинга». «Государства-Члены не должны налагать на поставщиков при

1 Директива 2000/31/ЕС Европейского парламента и Совета от 8 июня 2000 года по определенным правовым аспектам сферы информационных услуг, в частности электронной торговли, на рынке Интернета (Директива по электронной торговле).

предоставлении услуг, описанных в статьях 12, 13 и 14, общих обязательств в отношении мониторинга информации, которую они передают или хранят, а также в отношении активного поиска фактов или обстоятельств, указывающих на незаконную деятельность».

В большинстве государств-членов положения этой директивы нашли отражение в национальных законах и формируют основу действий европейских ПУИ в отношении незаконного контента Интернета. В некоторых странах, включая Австрию, этот комплекс правил лег в основу более точной и детальной системы саморегулирования ПУИ. Нормы поведения² пытаются заполнить пробелы в законодательстве, четко определяя, как должен действовать поставщик услуги в различных ситуациях.

Пытаясь искоренить подпадающие под действие уголовно-го закона сайты Интернета, такие как детская порнография или материалы крайне правых экстремистов, ПУИ создали во многих странах «горячие линии» (или помогли в их создании). Эти линии управляются экспертами в области юриспруденции, которые проверяют поступающие сообщения о криминальном контенте. Если выясняется, что жалоба обоснована, то устанавливается связь с «горячей линией» в предполагаемой стране размещения сервера, после чего незаконный контент удаляется из Сети поставщиком услуги или соответствующими правоохранительными органами. Пока это единственный действительно эффективный метод борьбы с незаконными материалами в Сети, поскольку он предполагает «удаление в точке возникновения».

Свобода общения и информации в Интернете. Превосходное руководство по вопросам свободы общения и информации в Интернете было подготовлено Комитетом министров Совета Европы и принято 28 мая 2003 года³. В этой декларации сформулированы 7 принципов. Ниже приводятся выдержки из нее:

- Принцип 1 требует, чтобы Государства-Члены не подвергали контент Интернета ограничениям, которые выходят за рамки ограничений, действующих в отношении других средств массовой информации.
- Принцип 2 гласит, что Государства-Члены должны поощрять саморегулирование или совместное регулирование контента, распространяемого в Интернете.

- Принцип 3 призывает отказаться от предварительного контроля со стороны государства. Государственные власти, используя общие методы блокировки и фильтрации, не должны запрещать доступ широкой ответственности к информации и другим видам связи в Интернете вне зависимости от границ. Это не исключает возможности установки фильтров с целью защиты несовершеннолетних, особенно в доступных для них местах, таких как школы или библиотеки.
- Принцип 4 заявляет о необходимости устранения препятствий для участия частных лиц в информационном обществе. Государства-Члены должны поощрять доступ ко всем коммуникационным и информационным услугам Интернета и содействовать такому доступу на недискриминационной основе и по доступным ценам. Кроме того, активное участие общественности, например путем создания и обеспечения функционирования индивидуальных веб-сайтов, не должно предполагать никакого лицензирования или других аналогичных требований.
- Принцип 5 предусматривает свободу предоставления услуг через Интернет. Предоставление услуг через Интернет не должно подпадать под действие тех или иных административных схем лишь по причине используемого в этом случае способа передачи информации. Государства-Члены должны принять меры, обеспечивающие предоставление через Интернет разнообразных услуг, отвечающих разным потребностям пользователей и социальных групп. Поставщикам услуг должно быть позволено действовать в рамках регулирующей системы, гарантирующей им недискриминационный доступ к национальным или международным сетям электросвязи.
- Принцип 6 требует ограниченной ответственности поставщиков услуг за контент Интернета. Государства-Члены не должны налагать на поставщиков услуг общего обязательства по осуществлению мониторинга контента Интернета, к которому они предоставляют доступ и который они передают

2 Более подробную информацию о ситуации в Австрии см. Allgemeine Regeln zur Haftung und Auskunftspflicht des Internet Service Providers, <<http://www.ispa.at/www.getFile.php?id=22>>

3 Декларация Совета Европы о свободе общения в Интернете, принятая Комитетом министров 28 мая 2003 года на 840-м заседании заместителей министров.

или хранят, а также по активному поиску фактов или обстоятельств, указывающих на незаконную деятельность. Кроме того, Государства-Члены должны обеспечить, чтобы поставщики услуг не несли ответственности за контент Интернета в тех случаях, когда их действия в соответствии с национальным законодательством ограничиваются передачей информации или предоставлением доступа в Интернет. Если же действия поставщиков услуг носят более широкий характер, и они хранят контент, происходящий из других источников, Государства-Члены могут считать их несущими совместную ответственность, когда они оперативно не удаляют информацию или не прекращают доступ к ней или услугам после того, как им стало известно, согласно национальному законодательству, об их незаконном характере или, в случае претензии в отношении ущерба, о фактах или обстоятельствах, подтверждающих незаконный характер деятельности или информации. Определяя в национальном законодательстве обязательства поставщиков услуг, о которых идет речь в предыдущем параграфе, следует соблюдать особую осторожность в отношении свободы выражения мнений тех, кто предоставляет информацию, а также в отношении соответствующих прав потребителей информации.

- Принцип 7 гласит, что в Интернете должна сохраняться анонимность. В целях защиты от онлайн-контроля, а также в целях обеспечения свободы информации и выражения мнений Государства-Члены должны уважать желание пользователей Интернета не раскрывать свою личность. Это не мешает Государствам-Членам принимать меры и развивать сотрудничество для выявления тех, кто несет ответственность за преступные действия в соответствии с национальным законодательством, Конвенцией о защите прав человека и основных свобод и другими международными соглашениями в сфере правосудия и охраны общественного порядка.

С учетом вышеизложенного, регулирование средств массовой информации в Интернете должно, с одной стороны, защищать и охранять свободу общения и информации с целью обеспечения всеобщего доступа, а с другой – учитывать организационные принципы и технологию Интернета для эффективного противостояния связанной с Интернетом преступности. Кро-

ме того, регулирование должно признавать и уважать глобальный характер Интернета. Это непростая задача для политиков и законодательных органов. Тем не менее поставщики услуг Интернета по-прежнему готовы предоставить свои знания и опыт для реализации инициатив, которые помогут сократить масштаб незаконной деятельности с использованием Интернета, одновременно повысив уровень доверия пользователей к этой ценнейшей информационной среде.

Кормак Калланан

Передовая практика работы «горячих линий» Интернета

В ноябре 2004 года исполнилось 5 лет с момента образования ассоциации INHOPE¹. Начав с 8 «горячих линий», в настоящее время она объединяет 20 линий в 18 странах. В число членов INHOPE входят представители 16 государств Европейского союза, а также неевропейских государств – Австралии, Соединенных Штатов Америки, Тайваня и Южной Кореи. INHOPE осуществляет общую координацию работы «горячих линий» Интернета, ведущих борьбу с незаконным контентом и незаконным использованием Интернета.

За период с марта 2003 года по февраль 2004 года сеть INHOPE обработала более 263 тысяч сообщений о незаконном контенте и незаконном использовании Интернета. Хотя не все члены INHOPE предоставляют отчеты о языке ненависти, приблизительно 1500 из общего числа полученных сообщений имели отношение к расовой нетерпимости или контенту, оскорбляющему человеческое достоинство. За 6 месяцев – с марта по август 2004 года – INHOPE получила приблизительно 1700 сообщений на эти темы. Для сравнения – в течение этих же 6 месяцев было получено более 57 тысяч сообщений о незаконной детской порнографии.

Один из впечатляющих фактов, подтверждающих эффективность работы INHOPE, заключается в том, что она объединяет широкий спектр технических решений и представляет различные интересы для достижения важнейшей цели – искоренения незаконных материалов или незаконной деятельности в Интернете!

Члены INHOPE осознают, насколько Интернет изменил в позитивном плане жизнь каждого из нас, и этот процесс продолжается. INHOPE понимает, что при правильном использовании Интернет является удивительным инструментом. Положительный эффект отмечается в области образования, информатизации и сфере развлечений. Интернет также пре-

доставляет эффективный и недорогой способ общения с друзьями и родными по всему миру. Однако INHOPE также осознает, что могут существовать и негативные последствия, особенно когда речь идет об использовании Интернета детьми или теми, кто стремится распространять незаконные расистские идеи или язык ненависти.

Но что такое «горячая линия» Интернета? «Горячие линии» Интернета дают возможность получить от широкой общественности сообщения о предполагаемом незаконном контенте и/или незаконном использовании Интернета. «Горячие линии» должны располагать эффективными прозрачными процедурами рассмотрения этих жалоб и нуждаются в поддержке правительства, представителей промышленности и правоохранительных органов, а также пользователей Интернета в странах, где они действуют.

INHOPE четко понимает проблемы, порожденные незаконным контентом, и все сложности их решения в той части, в какой они имеют отношение к Интернету. Цель работы «горячей линии» – оперативное, эффективное и открытое удаление из Интернета незаконных материалов, а также оперативное расследование подобных случаев правоохранительными органами и развитие международного сотрудничества с другими членами INHOPE.

Кроме того, члены INHOPE взаимодействуют с другими членами ассоциации в форме обмена информацией о незаконном контенте, делятся опытом и берут на себя обязательства сохранять конфиденциальность и уважительно относиться к методам работы других членов.

Порядок работы «горячих линий». Поступающее на «горячую линию» сообщение заносится в базу данных, и если оно не анонимно, подтверждение его получения направляется отпрати-

1 INHOPE координирует работу 20 «горячих линий» Интернета в 18 странах мира. «Горячие линии» Интернета являются важным элементом в координации усилий по борьбе с незаконным и вредным использованием Интернета. Работа «горячей линии» была бы намного менее эффективной, если бы она действовала самостоятельно и изолированно от остального мира. Информация и содействие в подготовке кадров, предоставляемые «горячей линии» со стороны INHOPE, являются бесценным и важнейшим вкладом в обеспечение ее успеха.

телю. Сотрудники «горячей линии», прошедшие специальную подготовку по вопросам оценки контента Интернета, изучают представленный материал с точки зрения его законности согласно местному законодательству.

Если материал не является незаконным, сообщение далее не рассматривается. Тем не менее «горячая линия» может направить его своему партнеру в соответствии с документом INHOPE «О передовой практике в области обмена сообщениями».

Если есть основания полагать, что данный материал идет вразрез с национальным законодательством страны действия «горячей линии», проводится расследование для выявления места происхождения материала. Оно занимает много времени и требует определенного уровня технических знаний.

Если, например, доступ к веб-сайту можно получить через имя домена, заканчивающееся верхним уровнем домена кода страны «.at», который действует для Австрии, то это не означает, что веб-сервер действительно расположен в Австрии. Это означает только то, что имя домена было зарегистрировано в австрийском реестре.

Имя домена может использоваться для того, чтобы отослать пользователя к любому веб-серверу в любой точке мира, поскольку система доменных имен предусматривает лишь включение доменного имени в интернет-протокол, используемый для установления связи с веб-сервером. Следовательно, необходимо определить номер интернет-протокола, чтобы выявить, где расположен веб-сервер.

Если материал, о котором поступило сообщение, размещен на местном сервере, «горячая линия» в соответствии со своим регламентом обращается к правоохранительным органам и/или к поставщикам услуг Интернета.

Вопрос о возбуждении уголовного дела находится в компетенции правоохранительных органов. Поставщики услуг Интернета обязаны своевременно удалить конкретный потенциально незаконный контент со своих серверов во избежание доступа к этому материалу других пользователей. После рассылки подобных уведомлений «горячая линия» может закрывать дело.

Если материал размещен на сервере в иностранном государстве, ситуация становится более сложной. В большинстве случаев «горячая линия» не сотрудничает напрямую с заинтересованными сторонами в иностранных государствах.

Тем не менее деятельность «горячей линии» не должна ограничиваться национальными рамками, когда речь идет о такой глобальной информационной среде, какой является Интернет. Здесь требуется международное сотрудничество. Более того – в столь деликатной области надо предпринять все возможные меры для обеспечения доверительного и надежного сотрудничества. Ради достижения этой цели и была создана ассоциация INHOPE.

Итак, чем занимаются «горячие линии»? Хотя в каждой стране имеется собственное законодательство в отношении незаконных материалов в Интернете, внимание членов INHOPE было в первую очередь сконцентрировано на проблеме незаконной детской порнографии и совращения детей. Однако со временем все больше «горячих линий» стало заниматься такими проблемами, как преступления, связанные с ксенофобией, языком ненависти и расизмом.

Что касается специфической области детской порнографии, несмотря на то что на международном уровне существует понимание того, что такие материалы неприемлемы в современном обществе, в законодательных нормах есть отличия – иногда существенные, иногда едва заметные. Следует отметить, что, по оценкам ЮНИСЕФ, в 2002 году 80 процентов расследований, связанных с педофилией, затрагивали более чем одну страну, а 90 процентов были связаны с Интернетом. Широкий географический охват «горячих линий» INHOPE – весьма эффективная ответная реакция на эту глобальную проблему.

INHOPE также уважает различные юридические традиции и культурные ценности, имеющиеся в разных странах. Материал, который может считаться незаконным в Ирландии, не будет таковым в Соединенных Штатах Америки. Материал, незаконный в Великобритании, не является незаконным в Нидерландах.

При том, что определение детской порнографии является, вероятно, наиболее унифицированным во всех странах, INHOPE добивается согласования небольших, но существенных разночтений. Мы горячо приветствуем разработку Советом Европы Протокола о киберпреступлениях в области расизма в качестве важного шага по разъяснению и стандартизации определений преступности на почве ненависти в Интернете.

Мы должны активно побуждать правительства всех стран к дальнейшей гармонизации национального законодательства и инициатив, направленных на искоренение ненависти. Эти усилия также помогут работе «горячих линий» Интернета, занимающихся аналогичными проблемами. Это весьма важно, если мы хотим предотвратить распространение правового империализма – стремления использовать обособленное, иногда противоречивое национальное законодательство в условиях глобального Интернета. В наших интересах добиваться единого понимания того, что является вредным для всеобщего блага.

Почему и как сотрудничают «горячие линии». INHOPE также учитывает разнообразные культурные приоритеты. Незаконная деятельность, которой уделяется серьезное внимание в одной стране, не привлекает к себе такого же внимания в другой. Например, преступным действиям в Интернете национал-социалистов и антисемитов отводится важное место в таких странах, как Франция, Германия и Австрия, в то время как в Великобритании и Канаде основное внимание уделяется чатам и ухаживанию за детьми. Это не означает, что одно важнее другого, однако каждая страна должна определить свои национальные приоритеты и выделить соответствующие ресурсы.

Работа «горячей линии» будет намного менее эффективной, если она будет действовать сама по себе, изолированно от всего мира. Информация и содействие в подготовке кадров, предоставляемые «горячей линии» со стороны INHOPE, являются бесценным и существенным вкладом в обеспечение ее успеха. Начиная с первых дней создания ассоциации, сотрудничество по таким вопросам, как отслеживание информации в Интернете, обмен сообщениями о материалах, обнаруженных в других странах, и новых технологиях, используемых преступниками для обмена незаконным контентом в Интернете, помогают «горячей линии» выполнять ее основные функции. Безусловно, работа «горячих линий» и INHOPE в целом – лишь один пример ответа на незаконную деятельность в Интернете. Другие виды ответных действий, признанные Европейским союзом в рамках Safer Internet Action Plan, включают в себя технологии определения рейтинга и фильтрации, а также программы повышения уровня осведомленности.

Имеющийся опыт: законодательство. Существуют значительные различия между тем, как в Интернете решаются проблемы детской порнографии и языка ненависти. В отношении детской порнографии в международных юридических документах существуют четкие, краткие и схожие определения, в то время как язык ненависти определен более широко, расплывчато и подчас двусмысленно. Наглядным примером может служить Конвенция Совета Европы о киберпреступности. Определение детской порнографии звучит в ней следующим образом:

В целях вышеизложенной статьи 1 термин «детская порнография» включает в себя порнографические материалы, визуальным образом отображающие:

- a. несовершеннолетнего, вовлеченного в явно сексуальное поведение;
- b. лицо, очевидно являющееся несовершеннолетним, вовлеченное в явно сексуальное поведение;
- c. реалистичные изображения, представляющие несовершеннолетнего, вовлеченного в явно сексуальное поведение.

При этом Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности в отношении преступных действий расистского и ксенофобного характера, осуществляемых с использованием компьютерных систем, определяет язык ненависти следующим образом:

«расистские и ксенофобные материалы» означают любой письменный материал, любое изображение либо любое другое изложение идей или теорий, которые пропагандируют, распространяют или провоцируют ненависть, дискриминацию или насилие в отношении любого частного лица или группы лиц по расовому признаку, а также на основании цвета кожи, национального или этнического происхождения, равно как и религии, если они используются в качестве предлога для любой из этих целей.

Определение детской порнографии является ясным и достаточным, однако даже применение выделенных частей пунктов b) и c) может быть оспорено. В то же время второе определение таит в себе реальную проблему при рассмотрении

возможных незаконных материалов. Если незаконная детская порнография является преимущественно изображением, в отношении которого действуют схожие определения во всех странах мира, то выявление незаконного языка ненависти основывается на тексте, а не на изображениях, что предполагает весьма различные подходы и законодательные нормы в разных странах мира. Кроме того, язык ненависти маскируется, чтобы избежать выявления.

Национальное законодательство обычно считает незаконным сознательное распространение, производство, печать, опубликование, импорт, экспорт, продажу или демонстрацию детской порнографии. Однако различия возникают сразу после этого утверждения. Определение ребенка отличается и в странах Европы, и в мире в целом. В Европе верхний предел «детского» возраста колеблется от 14 до 18 лет. В некоторых странах осознанное обладание материалами, содержащими детскую порнографию, также является преступлением. Иногда определение детской порнографии включает в себя изображения, созданные с помощью компьютера или измененные каким-либо способом. Иногда оно включает героев мультфильмов. Большинство определений предполагает, что изображение (текст и т. д.) демонстрирует несовершеннолетнего, вовлеченного в явно сексуальное поведение. Использование словосочетания «явно сексуальное поведение» породило целый ряд сложных проблем в отношении изображений детей, подвергающихся жестокому обращению без сексуальных действий.

Вне зависимости от различий в конкретных судебных и юридических определениях, каждый член INHOPE использует «горячую линию» в рамках конкретной юридической системы, согласно которой любая интерпретация закона предполагает критическую оценку рассматриваемого материала. Проблемы возникают, когда о материале сообщается на «горячую линию» в другой стране. Если материал не является незаконным там, где «горячая линия» получила соответствующее сообщение, оно обычно далее не рассматривается. Если материал, вероятно, считается незаконным в стране, где «горячая линия» получила соответствующее сообщение, оно направляется на «горячую линию» в страну его размещения. Затем «горячая линия» в той стране определяет, является ли материал незаконным в соответствии с местными законами. Если он та-

ковым не является, последующее рассмотрение сообщения не проводится.

Для тех, кто имеет юридическое образование, это, вероятно, очевидно, однако четкие определения, прописанные в национальном законодательстве, чрезвычайно сложно применить в повседневной практике. Все «горячие линии» получают самые разнообразные сообщения, подлежащие рассмотрению. Эти сообщения затрагивают такие вопросы, как детская порнография, язык ненависти, взрослая порнография, незапрашиваемые электронные сообщения взрослым, атаки вирусов, финансовые аферы и запросы о решениях в области фильтрации информации. Поступило много просьб дать консультацию по передовой практике рассмотрения материалов, не являющихся незаконными, но тем не менее вредных для молодежи, в Интернете. Определение различия между незаконным и вредным составляет основную проблему при каждой оценке, проводимой «горячей линией».

Рассмотрение сообщений. Опыт показывает, что отслеживание и выявление незаконного контента в Интернете на основании полученного сообщения может быть весьма долгим и трудоемким. «Горячая линия» сталкивается с серьезной проблемой хранения материала для его последующего использования в правоохранных целях, поскольку национальное законодательство не предусматривает исключений в отношении работы «горячих линий». В этой связи INHOPE предостерегает «горячую линию» от хранения незаконного контента, несмотря на то что некоторые линии имеют специальные договоренности с национальными органами правопорядка, позволяющие передавать информацию о незаконном контенте для проведения расследований. Если «горячая линия» не хранит или не передает информацию о конкретном контенте Интернета, требуется оперативное расследование с участием всех сторон для обеспечения своевременных действий, направленных на предотвращение дальнейшего распространения незаконного контента в Интернете.

Извлеченные уроки. Отклики, полученные «горячими линиями», свидетельствуют о том, что пользователи Интернета удовлетворены их работой и теми возможностями, которые они пре-

доставляют для реагирования в отношении незаконных материалов. Обилие сообщений, обработанных «горячими линиями», а также наличие обвинительных приговоров, которые могут быть обусловлены успешным рассмотрением этих сообщений, говорят о том, что «горячие линии» играют важную роль в борьбе с незаконным контентом в Интернете.

Деятельность INHOPE. INHOPE осуществляет разнообразную деятельность, и ее члены собираются вместе по крайней мере 3 раза в год. INHOPE поощряет обмен сообщениями и опытом между своими членами. Когда в одной стране принимается сообщение о материалах из другой стороны, «горячей линии» в соответствующей стране направляется уведомление для оперативного и результативного рассмотрения полученного сообщения. На каждом своем заседании INHOPE, привлекая многочисленных экспертов, проводит занятия по повышению квалификации. Рассматривается широкий круг вопросов – от технических и психологических до юридических и управленческих. Существуют программы предоставления стипендий персоналу «горячих линий», которые позволяют организовать обмен сотрудниками между отдельными линиями для прохождения совместного обучения и обмена опытом. «Горячие линии», выигравшие от участия в программе, дают ей высокую оценку. Действует и программа наставничества, которая следует за программой предоставления стипендий. Она предполагает индивидуальную помощь недавно созданной «горячей линии» со стороны опытного члена INHOPE. В рамках программы «Авангард» INHOPE приглашает основной персонал недавно созданных «горячих линий» к участию во встречах членов ассоциации для установления полезных контактов.

Заключение. INHOPE прошла долгий путь от неформального сотрудничества к сотрудничеству на официальном уровне, и этот путь подразумевает, что ассоциация сумела создать механизмы принятия решений, приемлемые для всех заинтересованных организаций независимо от их типа.

INHOPE представляет собой весьма успешный способ противодействия незаконному использованию Интернета и борьбы с незаконным контентом. Широкий охват, обмен сообщениями о незаконном контенте, богатый опыт и знания,

которыми обмениваются организации-члены, уважение к культурному и правовому многообразию мира подтвердили эффективность системы «горячих линий». Успешно противодействуя незаконному использованию Интернета, бережно внедряя передовую практику и определяя тенденции развития преступности, ассоциация также способна помочь правительству, правоохранительным органам, учреждениям, заботящимся о благе детей, и представителям промышленности в принятии соответствующей стратегии борьбы с незаконным использованием Интернета и незаконным контентом.

Первыми членами INHOPE были в основном поставщики услуг Интернета, однако система естественным образом расширилась и в настоящее время включает в себя «горячие линии», созданные, например, детскими благотворительными учреждениями и государственными организациями. Все они тесно сотрудничают с правоохранительными органами на национальном и международном уровне. Установление делового сотрудничества на международном уровне – достаточно сложная задача, а обеспечение политического сотрудничества между различными организациями свидетельствует об очевидном успехе.

Опыт работы INHOPE в течение последних нескольких лет говорит о том, что успех может быть достигнут лишь на основе скоординированных действий представителей разных секторов и культур в отношении незаконного контента Интернета. Чрезвычайно важно выявить основные точки соприкосновения, уточнить термины, чтобы достичь последовательности действий, прийти к консенсусу относительно определений и приоритетов для достижения лучшей координации, обратить внимание на передовую практику в различных регионах и странах и обеспечить приоритизацию действий с учетом имеющихся возможностей.

Пропагандистская деятельность, подготовка кадров, повышение степени информированности и образовательного уровня общества являются эффективным ответом на незаконный контент, особенно язык ненависти. Повышение уровня информированности населения играет важнейшую роль в борьбе с языком ненависти, поскольку полностью запретить его в Интернете невозможно. Необходимо разъяснять нелогичность языка ненависти и сообщать правдивую информацию, чтобы не оставлять трибуну только тем, кто его распространяет.

Принятый Европейским союзом Safer Internet Action Plan сыграл важную роль в обеспечении успеха INHOPE. Без финансовой поддержки, полученной в рамках этого плана, вряд ли удалось бы достичь столь заметных результатов. Конечно, для расширения масштабов деятельности INHOPE требуются дополнительные ресурсы – финансовые и иные. INHOPE особенно благодарна персоналу DG Information Society за помощь и поддержку, оказанные в течение последних нескольких лет.